

Кравцов Борис Васильевич

ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Родился 28 декабря 1922 года в Москве. 11 августа 1941 года я уехал на Урал, где до октября являлся курсантом саперного батальона, расположенного в городе Чебаркуль Челябинской области. В октябре последовало направление в Одесское артиллерийское училище, переведенное к тому времени в город Сухой Лог Свердловской области. По окончании училища в звании лейтенанта был направлен на Юго-Западный фронт.

Военную службу проходил сначала в должности командира взвода топографической разведки 2-го дивизиона 822-го артиллерийского полка 300-й стрелковой дивизии. С июля 1942 года в той же должности воевал во 2-м дивизионе 846-го артиллерийского полка 278-й стрелковой дивизии. В 1943 году в звании гвардии старшего лейтенанта назначен на должность начальника разведки 2-го дивизиона 132-го гвардейского артиллерийского полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии.

24 октября по приказу командования 12-й армии десант в составе 5 рот 185-го гвардейского стрелкового полка во главе с заместителем командира полка гвардии майором Зупаровым на резиновых лодках и подручных средствах форсировал Днепр. В ожесточенной схватке с врагом десант занял небольшой плацдарм на острове Хортица.

Вместе с пехотой переправлялась лодка артиллеристов-корректировщиков с радистами во главе с начальником разведки артдивизиона гвардии старшим лейтенантом Борисом Кравцовым.

Примерно часов в 10 утра 25 октября 1943 года немцы, собрав свои силы, начали штурмовать плацдарм. Противник перешел в контратаку и уже начал забрасывать траншеи и блиндажи десантников гранатами. Я, чтобы не попасть в плен, приказал радисту Мозгунову немедленно вызвать артиллерийский огонь на себя. Не раздумывая, тот передал команду: «Огонь по нам!» — и координаты. На наблюдательном пункте командира полка вначале подумали, что не расслышали эту отчаянно смелую команду. Радист левого берега переспросил. В ответ с острова повторили слова команды и тут же замолкли. Связь прекратилась, больше на вызовы остров не отвечал. Гвардии майор Лангер приказал немедленно открыть огонь по переданным с Хортицы координатам. Получили ранение я и Мозгунов, оказалась разбитой радиостанция, но смельчаки удержали завоеванный на острове плацдарм и продолжали его удерживать до прибытия подкрепления. За этот подвиг я удостоен звания Героя Советского Союза.

О лете 1942 года у меня остались весьма грустные воспоминания. По степным дорогам ползли машины, орудия, повозки, шагала пехота. Немецкие пикировщики черными коршунами падали на беззащитные, по сути, колонны. Горела техника, стонали раненые. Случалось, что не столь далеко, то справа, то слева появлялись танки с крестами на броне. Они шли, опережая наши колонны, туда же — на юго-восток, на Сталинград, не обращая на нас внимания.

Связь между полками дивизии полностью нарушилась. Каждый командир теперь мог рассчитывать только на себя, на свое умение и удачу. Так и сказал нам, офицерам, командир полка:

— Идите каждый, как умеет. Может, хоть кто-нибудь уцелеет. Если двигаться дальше скопом — все потеряем.

На карте он показал конечный пункт, где мы должны были сойтись, — место переправы через Дон. Мучительно трудным выдался наш путь. Двигались в постоянной тревоге. Постоянно голодали. Населенные пункты попадались редко.

До сих пор у меня перед глазами серые от пыли лица, распаленные от недосыпания глаза. Часто меняем направление движения, прячемся, услышав гул моторов.

Наступил день, когда перед нами заблестела река Дон. Расположились в прибрежной зоне, стали приводить себя в порядок. Предупредив своих товарищей, чтобы оставались на местах, я отправился на розыски штаба дивизиона. Почему-то казалось, что штаб должен находиться на левом берегу Дона, где-то близко.

Предчувствие меня не обмануло. Встреча оказалась радостной. Доложил начальнику штаба дивизиона старшему лейтенанту Бородулину о наличии людей и вооружения и о гибели во время бомбежки на станции Приколотное сержанта Карпова. Личный состав дивизии готовился к выполнению очередного задания.

Наш артиллерийский полк, заняв боевые порядки в районе хутора Ластушенский, поддерживал огнем стрелковые подразделения, удерживающие плацдарм на правом берегу Дона, чтобы не допустить форсирования гитлеровцами реки и не дать им продвинуться к Сталинграду.

По приказу командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского наше соединение 28 октября сдало свой участок обороны на Клетском плацдарме трем стрелковым дивизиям.

Получив новую задачу, наш артиллерийский полк проделал марш-бросок и расположился в хуторе Плешаковский Еланского района Сталинградской области, а во время сильнейшей пурги 8 ноября подразделения полка заняли боевые порядки восточнее хутора Ягодный. Началась суровая, со снежными заносами зима. Окопавшись в балке холодной донской степи, в плохо оборудованных, в один накат, блиндажах, мы подолгу сидели без дров и питьевой воды.

Наступило утро 19 ноября. Первые коррективы в детально разработанные планы внесла погода. Над землей поднялась плотная стена тумана. Пехоте от этого, может, и лучше. Артиллеристам же, как бельмо на глазу: никакой возможности наблюдать за результатами стрельбы. Остались на аэродромах и наши самолеты. И все равно в 7 часов 30 минут, как и намечалось, артиллерия дивизии и «катюши» начали артподготовку. Вначале последовал пятиминутный огневой налет на передний край противника. Затем в течение часа артиллерия долбила заранее разведанные огневые точки. Завершающий 10-минутный артналет совпал с сигналом о начале атаки. Наши атаки шли волна за волной. В течение дня батальоны преодолели проволочные за-

граждения, но остановились перед второй полосой минных полей. Задача, поставленная на этот день, не была выполнена. На рассвете 22 ноября после короткой артиллерийской подготовки подразделения снова поднялись в атаку.

19 декабря последовал разгром 11-й румынской дивизии. Был пленен весь ее штаб во главе с командиром.

Наши танковые группы, прорвавшись в тылы противника, бороздили донскую степь в самых разных направлениях, громили отходящие части, уничтожали резервы. Немцы рассыпались по заснеженной степи, прятались по балкам, голодали, обмораживались. Офицеры срывали погоны и сдавались в плен. Полки дивизии двигались колоннами в направлении города Каменск-Шахтинский. За три дня одолели более 100 километров. Однако на подходе к хутору Астахов наш 846-й артиллерийский полк внезапно атаковали 28 танков противника. К счастью, батареи не растерялись. Быстро развернулись в боевое положение и так врезали по танкам, что те едва успели скрыться. А на рассвете 22 декабря в районе совхоза «Красная Заря» Ростовской области подвергся внезапному нападению головной 851-й стрелковый полк.

Было это так. Рано утром полк двигался на марше. В воздухе стояла туманная морозная дымка. Видимость была плохая. Неожиданно слева от дороги из-за скирд показались танки. Некоторое время они шли параллельно с нашей колонной, и никто не обращал на машины особого внимания: пусть себе идут, куда им нужно. И тут произошло то, чего никто не ожидал: танки круто развернулись и устремились на колонну. Словно из-под земли выросли немецкие автоматчики. Они открыли бешеный огонь. В нашей колонне возникло замешательство.

Но растерялись не все. Лейтенант Коттебеков приказал снять с машины два миномета. Их быстро установили на обочине дороги и ударили по автоматчикам. Быстро развернул свою 5-ю батарею ее командир старший лейтенант Лисовой. Нападавших удалось рассеять. Но пехота понесла ощутимые потери: более 300 человек было убито и ранено.

Вскоре выяснилась причина появления немецких танков на пути движения дивизии. Накануне крупная группировка противника была разгромлена советскими войсками. Многие пехотные и танковые подразделения противника беспорядочно отходили на запад.

В канун нового, 1943 года части нашей дивизии совместно с другими соединениями 3-й гвардейской армии примкнули к кольцу наших войск, окруживших немецкие войска под Сталинградом. Настроение было приподнятое. Чувствовали — отступлению больше не бывать. Никто, никакая сила не остановит наше победоносное наступление!

За заслуги в создании плацдарма в районе Клетской, в оборонительных боях северо-западнее города Сталинграда и в наступательных действиях в районе Среднего Дона весь личный состав нашей дивизии был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

3 января 1943 года — новая радость. Поступил приказ Народного комиссара обороны «О преобразовании 278-й стрелковой дивизии в 60-ю гвардейскую».

Более двух недель простояла дивизия на занятых рубежах. Получая пополнения, полки готовились к новым боям. Во взаимодействии с прибывшими подразделениями 23-го танкового корпуса перешла к решительным действиям и наша 60-я гвардейская дивизия.

После артиллерийской подготовки танкисты корпуса стремительно пошли вперед. 13 января через образовавшуюся брешь устремилась к городу Каменску и наша пехота. Упорные бои за Каменск продолжались до начала февраля. Почти ежедневно наши части совершали перегруппировки, меняли рубежи, изматывали врага. Немало фактов героизма имело место в тех боях.

Расскажу о необычайном случае, приключившимся со снайпером 178-го полка гвардии сержантом Сторожуком.

В начале боя за город Капенск он поднялся на заводскую трубу, где и занял огневую позицию. Оттуда хорошо просматривалась окружающая местность, можно было держать под огнем подступы к заводу. Тогда немецкие автоматчики, прячась за танками, зашли с тыла и окружили трубу. Сторожук продолжал вести огонь. С наступлением сумерек фашисты решили «выкурить» стрелка из трубы, заставив его спуститься вниз. Они развели костер, подбросив в него ядовитые вещества. Клубы зловонного дыма заполнили трубу.

Решив, что снайпер задохнется, немцы ушли, оставив двух часовых. Но Сторожук не задохнулся. Перед рассветом он бесшумно спустился вниз. Часовые спали. Сержант прошел их ав-

томатной очередью и бросился бежать. Сумел обмануть немецкие посты и пробиться к своим.

60-я гвардейская дивизия с боями прошла от Дона 400 километров, освободила более 100 населенных пунктов.

Запомнились строки из стихотворения фронтового поэта, помещенного в то время в дивизионной газете «Вперед к Победе»:

Открыли под Ягодным сами
На запад широкую дверь.
Дрались по-гвардейски за Каменск
И бьем по-гвардейски теперь.

Оккупанты были изгнаны из Ростовской области. Началось освобождение городов и сел Украины.

После очередной перегруппировки войск наша дивизия заняла рубеж в районе сел Богородичное и Голая Долина. Задача оставалась прежней — прорыв линии обороны противника.

Занимая лесной массив, растянувшийся до города Славянска, немцы скрытно подвезли и надежно замаскировали немало артиллерии, пехотных и механизированных частей. Внезапный атрналет прошелся по роще, где расположилась наша пехота. Враг был настойчив. Снова и снова шел в атаку.

Бой был жестоким. Заградительный огонь нашей артиллерии останавливал атакующих. Наши пехотинцы, атакуя, просачивались сквозь вражеские дзоты, огневые точки, накрытые стальным колпаком, продирались сквозь густой частокол заграждений и густой автоматный огонь. Но потом вынуждены были откатываться на прежние рубежи.

23 августа в полках были созданы штурмовые группы. Одну из таких групп, состоящую из топографов, связистов, других штабистов 2-го дивизиона, поручено было возглавить мне. Этим группам удалось преодолеть нейтральную полосу, забросать гранатами траншею, уничтожить отдельные огневые точки. Враг понес потери. Потери были и у нас. И все же решительного перелома достичь не удалось. Дивизия перешла к обороне. О жестокости боев свидетельствуют людские потери. Как мне потом стало известно, эти потери были примерно равны с обеих сторон. У немцев убитых и раненых до 700 солдат и офицеров. Наши потери: 726 человек убитых и раненых.

Но внезапно на нашем участке фронта произошел перелом. Оказывается, другие наши фронты сильно поднажали. Манштейн, который командовал противостоящей нам группировкой, понял, что пора сматывать удочки, и отдал приказ к отступлению. Наши подразделения немедленно перешли к преследованию.

Пусть у читателя не складывается впечатление, будто путь нашей дивизии к Запорожью был, образно говоря, устлан розами. Конечно, жители освобожденных городов и сел с радостью, с цветами встречали освободителей. Однако кровопролитные бои и яростные схватки с врагом были и унесли жизни многих гвардейцев дивизии.

Сбивая противника с промежуточных рубежей, гвардейцы дивизии в условиях бездорожья совершили 50-километровый марш к Павлограду. Появление советской пехоты и танков среди ночи на улицах Павлограда вызвало у противника замешательство. Старшина Филиппов во главе группы смело преодолел улицу за улицей, косил врага из автомата. На пути группы оказалось двухэтажное здание бывшего педучилища. Окна были затемнены. Бойцы группы бесшумно окружили дом, прислушались: тишина. Тогда Филиппов вышиб прикладом дверь и вбежал по лестнице на второй этаж. Дал очередь из автомата вдоль коридора. Из комнаты стали выбегать заспанные немецкие офицеры и, не разобравшись спросонок, что происходит, бросились мимо Филиппова вниз. А здесь их встречали наши.

С другой ситуацией довелось столкнуться гвардии старшему сержанту Шленскому, который в числе первых проник на окраину города. Он заметил дом, из которого немцы вели сильный огонь. Пользуясь темнотой, Шленский незаметно проник туда и внезапно ворвался в комнату, где засело с десяток вражеских солдат. Часть их сразу полегла под очередями его автомата, часть стала выпрыгивать из окон. Подоспевшие товарищи уничтожали их. Особо отличалась группа под командованием офицера штаба 180-го полка старшего лейтенанта Федорченко. Гвардейцы сумели незаметно проникнуть на вокзал и отсюда внезапно ударили автоматным огнем по противнику. Павлоград был очищен от оккупантов.

Ратный труд гвардейцев был оценен по достоинству, приказом Верховного Главнокомандующего 60-й гвардейской стрелковой дивизии присвоено почетное наименование Павлоградская.

А уже 20 сентября 1943 года по приказу командования 12-й армии дивизия начала переход на ближайшие подступы к Запорожью. Бои на поступках к Запорожью отличались особым ожесточением. Что ни балка — огневая точка. Населенный пункт — узел обороны. Негде спрятаться, нечем укрыться от пуль и снарядов. Нелегкая задача выпала 185-му полку под командованием подполковника Вильховского и нашему 2-му артиллерийскому дивизиону под командованием капитана Ламина. 185-й и 178-й полки при поддержке артиллерии сумели овладеть нынешнем Заводским районом и прорваться в Вознесенку. Ликвидировав здесь очаги сопротивления, одновременно с частями других подразделений полки обрушили удары на центр и южную часть города и вынудили противника к полному отступлению. Командир 1-й роты 185-го полка старший лейтенант Солдатенко и сержант Полетаев воодушевляли бойцов личным примером. Рота первой ворвалась на окраину Запорожья. Дальнейшему продвижению мешал вражеский пулемет на перекрестке улиц. Группа бойцов во главе с Калапкиным под покровом ночи подкралась к пулемету и забросала его гранатами. Общими усилиями всех военных соединений 14 октября 1943 года город Запорожье был освобожден.

После ликвидации запорожского плацдарма противника войска фронта получили задачу форсировать Днепр и приступить к освобождению Правобережной Украины. Командующий 12-й армией приказал 60-й гвардейской стрелковой дивизии захватить остров Хортицу. По замыслу командования небольшое подразделение пехоты должно было форсировать реку, высадить на острове и оттянуть на себя силы противника, пока будут переправляться в другом месте остальные подразделения дивизии. Затем при поддержке артиллерии советские войска решительным ударом должны были опрокинуть противника в Днепр, очистить остров Хортицу от врага. Боевая операция могла быть удачной лишь в том случае, если наша артиллерия, расположенная на левом берегу, метким огнем окажет действенную помощь десанту. Разумеется, от корректировщиков зависело многое.

Командир дивизиона капитан Ламин возложил выполнение задачи, поставленной перед артиллеристами, на меня — начальника разведки дивизиона. На остров я со своими разведчиками и радистом должен был переправиться вместе с десантником на понтоне.

Стемнело. Ударная группа стрелков во главе с командиром батальона Кузнецовым, соблюдая полную тишину, спустилась к воде и погрузилась на понтон. Наша группа с такими же предосторожностями переправилась на втором понтоне. Опасные места как будто уже позади. Хотя в такой обстановке кто может сказать, где они — опасные места? И как бы в подтверждение этого один из гребцов повалился на спину, сраженный очередью трассирующих пуль. Вдруг неожиданный толчок — понтон сел на мель. В темноте нельзя было определить, далеко ли осталось до берега. С острова поднялась осветительная ракета. Надо было действовать. Через мгновение разведчики и десантники, следуя за мной в холодной воде, были на берегу. Принято решение — сосредоточиться, залечь и продвигаться к нашей пехоте. Ошеломив немцев внезапностью нападения, ударная группа на небольшом участке завладела их траншеями, захватила оставленную при бегстве пушку. Артиллеристам обрадовались пехотинцы: «Прибыли корректировщики!» Вот это дело! Мы обосновались в оставленном немцами блиндаже. И как-то легче стало на душе, когда радист установил связь с левым берегом. Только недолгим было затишье. Не успел я доложить обстановку, как ночную тишину разорвало протяжное завывание вражеских мин. Координаты минометов противника мною были немедленно переданы на левый берег. Заговорила наша артиллерия. Огневые точки противника были накрыты. Но надо было ждать атаки. Немцы имели превосходящие силы. Разведчики уже наладили было трофейное оружие, когда раздался возглас: «Немцы!» Атаки следовали одна за другой до самого рассвета. Всю ночь летели снаряды с левого берега, создавая огневой заслон перед десантниками. Не знаю, была ли еще ночь или наступило утро, помню только: прорвались гитлеровцы сквозь заградительный огонь, а наш правый фланг уже уничтожен, и у нас почти не оказалось патронов. Со всем близко пробежал немец, другой. Смотрю: пулемет устанавливают. Вот и над блиндажом уже топают: из пистолета застрелил пулеметчика. Второй схватил пулемет и бежать. На блиндаж посыпались гранаты. Подался я в проход поглубже. Все, кто остался еще живым, поняли: сейчас с нами покончат — окружены. В пистолете — последний патрон. Посмотрел на разведчиков. Весь как-то подобрался, готовый кинуться врукопаш-

ную Трегубенков. Все ждут чего-то. И только у одного есть действующее в полную силу оружие — рация. Гляжу на Мозгунова: брови сдвинуты, весь ушел в свои наушники. Тут и закричал я: «Передавай! Цель — наш наблюдательный пункт, огонь на нас! Огонь на нас!» Мозгунов будто и ждал этого. С азартом подхватил команду, ну, словно ему радость избавления она принесла, а не смерть. Исполнят ли наши артиллеристы команду? А тут разрыв — у самого входа разорвалась граната. Меня ранило в левую руку, сорвало провода и повредило рацию. Теперь уже не повторишь команду. А огня то нет. И тут рядом стали разрываться наши снаряды. Один снаряд разорвался совсем рядом с блиндажом. Немцев смыло, как грязь с крыши проливным дождем. И нам досталось. В потолке дыра. Рухнули на нас бревна, ветви, груды песка. От дыма задохались.

Мы с Мозгуновым выбрались кое-как и — к своим, к левому флангу. А там — положение отчаянное. Патроны на исходе, людей осталось мало. Теснят их немцы к реке. Хорошо еще телефонная связь сохранилась. Связался с командиром дивизиона. Тот сначала не поверил, спросил, Кравцов ли это.

И снова корректирую огонь. И опять полетели снаряды с левого берега. Только наладилась обстановка, прервалась телефонная связь. Ранило Мозгунова. Делаю ему перевязку. Слышу команду: Немцы! Гранаты к бою! Отбросались гранатами. Уже стемнело, на какое-то мгновение стало тихо. Нам пополнение прибыло, прислали боеприпасы. Начали эвакуировать раненых. Я вел одного, следом несли Мозгунова. На левом берегу нас ждали.

Более успешной была высадка второго десанта на Хортицу, левее Днепрогэса, за железнодорожным мостом. Возглавлял эту группу десантников заместитель командира 178-го полка майор Йотка. А на третий день на занятом плацдарме находился уже и 180-й полк во главе с его командиром майором Чайкой.

Части 60-й гвардейской стрелковой дивизии 23 ноября перешли занимаемые в Запорожье участки 244-й дивизии и начали скрытно сосредотачиваться в нескольких километрах южнее города. На новом участке наша дивизия второй раз успешно форсировала Днепр, прорвала оборону противника в районе села Разумовка, сбив заслоны врага к исходу 30 декабря, вступили на территорию Днепропетровской области. В тот день в селе

Владимировка дислоцировался наш 2-ой дивизион арtpолка. Согласно приказу на окраине села 31 декабря должна была занять противотанковую оборону 5-я батарея нашего дивизиона. Батарейцы только начали окапываться, как вдруг противник обстрелял артиллеристов. Пехотинцы, рассыпавшиеся по огородам, цепью пошли к лесопосадке, откуда велся неприятельский обстрел. Но продвинулись всего лишь метров на 50—70 и вынуждены были залечь, потеряв много убитых и раненых. Я в это время находился с разведчиками возле одного из домов, пытаюсь разглядеть сквозь туман местонахождение огневых точек противника. Это было днем 31 декабря 1943 года. В это время осколком разорвавшегося рядом снаряда меня ранило в бедро правой ноги. Удар был настолько сильным, что у меня создалось впечатление, что это был удар тяжелым бревном, я упал как подкошенный.

К счастью, вскоре ко мне подбежала батарейный санитарруктор Аня Бровкина — маленькая, хрупкая девушка. Она перетащила меня в безопасное место и перевязала раненую ногу. В 12 часов ночи я лежал на операционном столе в госпитале города Запорожья. Врач поздравил меня с новым, 1944 годом и приказал медсестре дать мне наркоз. Так началось долгое лечение моей раненой ноги.

Позже из писем однополчан я узнал, что Аня Бровкина в тот день, невзирая на обстрел, перевязала очень много бойцов. Командование арtpолка представило Аню к награде. Получила ли она ее, до сих пор, к сожалению, не знаю.

28 января 1960 года я был назначен 1-м заместителем Прокурора РСФСР, а в январе 1971 года — Прокурором РСФСР. Тогда же, в 1971 году избран депутатом Верховного Совета РСФСР 8-го созыва. Впоследствии избирался депутатом 9-го и 10-го созывов. В апреле 1984 года последовало назначение на должность министра юстиции СССР и избрание депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва.

В 1990 году меня избрали членом правления Клуба Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы. С 1993 года являюсь советником по вопросам законности в Гильдии российских адвокатов и вице-президентом Российской ассоциации Героев.

Герой Советского Союза, награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Дружбы народов, медалью «За оборону Сталинграда» и другими медалями. Заслуженный юрист РСФСР, «Почетный работник прокуратуры».

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Пахомова Елена Сергеевна**, студентка 2-го курса профессионального училища №5.